

189(Хабар)

+9(с19)

✓

М. Ф. Тебнев

Т291

ГЛАЗАМИ СТАРОЖИЛА

1005438

✓

✓

+

o

Хабаровская краевая
БИБЛИОТЕКА

Хабаровское книжное
издательство

1958

Литературная запись Е. КОРЬЕВА

Михаил Филиппович Тебнев

ГЛАЗАМИ СТАРОЖИЛА

Редактор М. П. Белов.

Обложка художника В. В. Васильева.

Художественный редактор Л. М. Мосейчук.

Корректор Е. Д. Тыщук.

Сдано в набор 12/IV-58 г. Подписано к печати 26/IV-58 г.

Бумага 81 × 108/32 = 0,375 б. л., 1,23 п. л., 1,2 уч.-изд. л.

ВЛ 03071. Тираж 3 000 экз.

Хабаровское книжное издательство, г. Хабаровск, ул. Ким Ю-чена, 9.

Книжно-журнальная типография управления культуры,

г. Хабаровск, ул. Л. Толстого, 3. Заказ № 1046.

Цена 30 коп.

ЧАСТО, когда у нас идут молодежные радиопередачи — жизнерадостные и веселые — я невольно вспоминаю свое детство, юность. Эта пора прошла у меня в Хабаровске. Сравнивая жизнь юношества прошлого дореволюционного Хабаровска и нашего современного советского Хабаровска, особенно наглядно видишь перемены в судьбах молодых людей.

Передо мной очередная передача «Пионерская зорька». Все ребята любят эту интересную, живую передачу, отражающую их жизнь.

... Включен микрофон. Мы, дикторы, как бы видим из своей кабины юных радиослушателей, прильнувших к репродукторам и радиоприемникам. Затаив дыхание, они слушают рассказ о знакомой им советской жизни. Знакомой и вместе с тем всегда новой и волнующей. К нашему микрофону подходит пожилой рабочий-хабаровчанин. Он говорит о прошлом, о том времени, когда он был юношей, и знакомый мир встает перед ребятами; родной город — темный, грубый, где одни вечно терпели унижения и оскорбления, а другие купались в довольстве и праздности. Ребята разве только по книгам да кинофильмам знают о том страшном мире прошлого. Им не верится, что, когда-то до революции, в Хабаровске не только не было Дворца пионеров, театра юного зрителя или детского парка, но даже не существовало ни одной детской площадки. Были только улицы, грязные, немощеные. Вот на них и

играли ребята. Но даже на этих грязных улицах играть удавалось немногим. Надо было работать, помогать родителям зарабатывать кусок хлеба.

Вот с этого, с детства, я и хочу начать свои воспоминания старожилы Хабаровска; рассказать о тех больших переменах, которые произошли в нашем городе. Ведь я многое видел собственными глазами, многое пережил и почувствовал.

...В 1912 году наша многолюдная семья приехала из России, как тогда называли центральные губернии, на Дальний Восток, строить «амурку» — Амурскую железную дорогу. «Амурка» тогда только что прокладывалась. Мы попали на станцию Облучье. Гиблые это были места: тайга, болота сплошные; летом комары и мошка, зимой — негде укрыться от ледяных ветров и морозов. Мне тогда шел десятый год. Остальным братишкам и того меньше. Отец не мог прокормить нас. Он двадцать пять лет прослужил в царской армии, потерял там здоровье, и земляные работы на стройке дороги выматывали у него последние силы. Машин тогда на строительстве железной дороги никаких не было. Карьеры для выемки земли копали лопатами, землю на насыпь подвозили тачками; и за весь этот каторжный труд платили гроши.

И поголодали мы, и померзли, и помокли в землянках-временках, и отец решил податься в Хабаровск. Это было на следующий 1913 год. Железная дорога еще не дошла до Амура, а сам амурский мост только строился. Поэтому мы поплыли в Хабаровск на лодках по Амуру. Редко обгоняли нас или встречались пароходы. Все больше, да и то не часто, попадались вот такие же, как мы, странники на лодках, а то и на плотах. Люди, приехавшие на берега Амура искать свое счастье, мотались тогда по всему краю и не находили это счастье. Везде они попадали в кабалу или к подрядчикам, или к купцам.

Город показался на четвертые сутки к вечеру. Далеко на правом берегу в розовых лучах заходящего солнца вдруг блеснул золотистый купол. Люди

М. Ф. ТЕБНЕВ

бывалые, плывшие вместе с нами, растолковали, что это оказался собор, стоявший недалеко от крутого берега в самом центре Хабаровска. Собор постепенно вырисовывался все четче, золотые купола и кресты проступали все яснее. И вот, наконец, показались крыши домов. Дома, за исключением некоторых, были маленькие, приземистые. А собор возвышался над ними и, казалось, давил к земле все, что было вокруг него. Это первое ребячье впечатление сохранилось у меня надолго.

Как-то робко оглядываясь на золотой купол огромного собора, молча мы причалили к берегу в том месте, где впадает в Амур речушка Плюснинка. Устье этой грязной речушки было своеобразным торговым портом. Здесь стояли дощатые склады, окруженные бочками, тюками, ящиками. Русские бородатые грузчики, с наброшенными на плечи мешковинами, и китайские носильщики с рогульками за спиной, как заводные, курсировали от барж до складов и обратно, угрюмые, серые. Они сутулились, когда несли тяжелый груз, и не разгибали спины, когда возвращались за поклажей порожние. Мне тогда казалось, что это особые люди — люди, которые отродясь не умели ходить, выпрямившись. А вон те, что с книжечками в руках, прохаживающиеся между тюками и ящиками, держались совсем прямо, надвинув на глаза картузы с лакированными козырьками или круглые цилиндры; это совсем отличные от тех, согбенных. В этом я, мальчишка, убедился, когда мой отец подошел к одному из них.

Я всегда считал своего отца очень независимым человеком, и по детской наивности, считал его самым сильным и смелым. И я очень удивился, даже не удивился, а был ошеломлен, когда мой отец подошел к человеку в котелке, согнувшись, как грузчики. Да, отец мой в ту минуту очень походил на грузчика, хотя на спине его и не было никакой поклажи. Человек в котелке посмотрел сверху вниз на согнутую спину отца и что-то буркнул. Отец отошел, но все мне казалось, что спина его уже больше не разгибалась.

На второй день отец сказал: «Что же делать, Минька. Видно придется идти нам с тобой по миру». Я к этому отнесся равнодушно. Что такое «идти по миру» я еще не знал и даже думал, что это интересно: наверно, отец приглашает путешествовать, ну, как по Амуру на лодках. А путешествие по Амуру мне понравилось. Время стояло летнее, теплое. Река мирно плескалась. А если временами было голодно, то это по-ребячьи вознаграждалось сменой впечатлений: рядом проходили незнакомые таинственные берега, на ночевках на песчаных отмелях, разжигались костры, и купаться можно было вволю. Вот такое плавание я и представлял себе «ходить по миру». Но очень скоро разочаровался...

Мать дала холстяную сумку, хотела одеть одёжку похуже, но то, что было на мне — было, во-первых, единственное, а во-вторых, хуже, наверное, и придумать трудно. На стройке дороги мы все так пообтрепались, что и без предварительной подготовки выглядели настоящими нищими.

Отец в сырых земляных карьерах и на морозе простыл и совершенно не мог работать физически — ломота в пояснице не давала разогнуться, ноги ныли, а пальцы рук скрючились, как грабли. Тогда, на пристани, он попросился у господина в котелке на место сторожа или что-нибудь полегче до выздоровления. Но тот сказал отцу, что ему нужны лошади, а не люди, а такие «развалины», как мой отец, годны только для свалки.

Ранним утром мы с отцом отправились из своего жилища — полушалаша, полуземлянки, выстроенной неподалеку от утеса, то есть нынешнего парка — в город. С этого и началось мое знакомство с Хабаровском. Печальное знакомство!

Даже я, мальчишка, сразу заметил, что город резко делится на особняки и халупы. Особняки, кирпичные, с причудливой кладкой, или деревянные, разукрашенные резьбой, тянулись к видным местам. Это от Чердымовки вверх по нынешней улице имени Шевченко на Среднюю гору, по Яковиц-

кой, или через овраг к Военной горе, ныне улице Серышева. А халупы как будто боялись видных возвышенных мест. Они лезли в овраги вдоль грязных речушек Чердымовки и Плюснинки, скапливались, почти стена к стене за Артиллерийской горой, в оврагах возле Усури, образовав Хохлацкую слободку, или в глинистых местах за нынешним вокзалом, там, где была Муравьев-Амурская слобода.

Мы с отцом обходили и эти слободки, но возвращались оттуда всегда ни с чем. Бедняки и рады были помочь нам, но им самим не хватало куска хлеба.

Помню такой случай. Вышли мы спозаранку. Идем возле особняков. Хозяева еще спят, только сторожа бодрствуют да покрикивают на посторонних, чтобы проходили мимо, не задерживались и не мешали господам почивать. Недавно прошел дождь, лужи перегородили улицы. Шлепаем по грязи: дома ждут чего-нибудь поесть. Поднимаемся на гору, где стоит собор. Было это в какой-то религиозный праздник. На паперти толпится кучка таких же оборванцев, как и мы. Здесь, конечно, не поживешься. Спускаемся на Плюснинку. Через речку ни мостика, ни бревна, чтобы перейти. В овраге прижались друг к другу халупы рыбаков и китайцев-огородников. В сумках наших появляется несколько карасей, да пучок редиски дал китаец со своей грядки. Начало хорошее. Бодро поднимаемся к Артиллерийской горе. Весь в зелени стоит кирпичный особняк. Отец, ободренный первой удачей, решил зайти в дом. Меня оставил на улице, за оградой. Я не выдерживаю соблазна, достаю из сумки несколько редисок и грызу. И так увлекся этим занятием, что не слышал приближающихся шагов. И вдруг по спине кто-то больно ударил. Отскочил в сторону: передо мной стоит господин в котелке и черной широкой накидке, может быть тот самый, которого видел на пристани. Не знаю, они все в моих глазах были одинаковы. Господин опустил трость и сердито сказал: «Ты чего, гольтьба, дорогу не даешь?». Я отскочил еще дальше, в самую грязь

дорожной выбоины. На тропинке, что идет по обочине дороги, может свободно разминуться человека четыре. Так почему же он меня ударил? Очевидно, надо подальше держаться от людей в котелках, чтобы не получить тростью по спине.

Появился отец, а за ним с лаем — огромная собака.

Домой возвращаемся к полудню, исходив много улиц и переулков. Устали, в грязи, а в сумках — жалкие крохи. Вот и накорми десять ртов. Младшие братишки и сестренки пищат, мать гляжу, тихонько всхлипывает и ругает отца. Он отмалчивается и только вздыхает. Он уже обходил город, искал работу по силам. Но везде требовались здоровые мужчины, и отцу отказывали. Я удивлялся, что в таком большом городе нам негде жить и заработать на кусок хлеба. Разные думы появлялись в ребячьей голове, на которые я не мог ответить. К отцу, вечно хмурому и озабоченному, боялся обращаться. Да и вряд ли он мог ответить. Ведь и ему, опытному в жизни человеку, вербовщики понасулили всякой благодати, привезли сюда и бросили с семьей на произвол судьбы.

С несвеселыми мыслями я бродил по городу. Отсюда, от устья Чердымовки, только подняться на Среднюю гору, и сразу же перед глазами выросло несколько кирпичных особняков с железными оградками. А еще выше — возвышался златоглавый Успенский собор. Рядом с ним стоял большой магазин известного купца Чурина и К^о. С другой стороны собора — огромный дом другого купца Плюснина (в нем сейчас находится научная библиотека). И в самом начале улицы Муравьев-Амурской, или, как ее еще называли — Большой, стояла триумфальная арка, построенная, как рассказывали, в честь посетившего Хабаровск наследника-цесаревича Николая. Все эти сооружения блистали богатством, позолотой, роскошью. И тем, кто жил здесь, кто владел этими богатствами, было совершенно все равно, что рядом, в овраге, ютится в шалаше голодная семья.

Я старался убежать из этой чужой роскоши, в порт, где все-таки жизнь была понятнее и ближе. Русские грузчики и китайские носильщики не били по спине тростью. В порт каждое утро приплывали лодки рыбаков-нанайцев. Я любил бывать среди них. Они были с длинными косами, в диковинной одежде из каких-то шкур и совсем не разговаривали по-русски. Частенько нанайцы давали мне рыбину, и тогда я счастливый бежал домой.

А раз мне пришлось наблюдать такую картину. Нанайцы сдавали улов на склад. Принимал человек в высокой фуражке с лаковым козырьком. Рыбаки, разговаривая с ним, тоже сгибались и были похожи на грузчиков. Вдруг человек с лаковым козырьком схватил за косу одного из рыбаков, швырнул его в воду и хотел ударить. Заступились грузчики. Человек в картузе отступился. Мальчишеским чутьем я понял, что между рыбаками в одеждах из шкур, русскими грузчиками, прикрытыми мешковиной, и китайскими носильщиками с рогульками за спиной есть что-то общее, объединяющее их, и этим объединяющим, как я понял позже, был труд. Мне тогда казалось странным, что люди, с утра до вечера занятые на работе, живут в халупах, раскинутых вдоль грязных речушек Чердымовки и Плюснинки. А те, в котелках и фуражках, обитают в другом мире, наверху, где стоит собор, магазин и триумфальная арка.

Моему хотя и голодному, но привольному житью скоро пришел конец. Однажды отец сказал: «Вот что, сына... Пока я найду себе место, придется поработать тебе. Ты старший, пора помогать. Узнал я, что в магазине, там, наверху, требуется мальчик для посылок. Самое тебе место». Так была решена моя участь. До поздней ночи мать при свете свечного огарка приводила в порядок мою одежку: стирала и штопала штанишки и рубаху; отмывала ноги, руки и шею, чтобы представить меня перед хозяином в лучшем виде.

Магазин известного купца Чурина в Хабаровске считался одним из крупных на Дальнем Востоке.

Здесь можно было купить все — от иголки до сеялки, и от леденцов до цемента, и с доставкой на дом. Можно купить... Но далеко не всем доступно было покупать...

Нас, мальчиков в магазине было человек десять. Все вот такие как я, отданные сюда по бедности семьи, малограмотные и робкие, из которых как хотели так и вили веревки. Жили мы во внутренней пристройке, рядом с кладовой во дворе. Домой нас отпускали только по праздникам и изредка по воскресеньям. Зато на богослужение водили по всякому поводу: то всенощная, то престольный какой-нибудь день, то просто так, чтобы мы всегда были в страхе божьем. А этого добивались от нас в первую очередь — бояться бога и не поднимать руку на те соблазны, которые окружали нас в магазине.

Трудно придумать большее терзание, чем чувствовать себя голодным среди обилия разных яств. Если кто-нибудь из нас не выдерживал и тайком бросал за пазуху горсть леденцов, чтобы ночью съесть под одеялом, приказчик, специально приставленный присматривать за нами, обнаружив это, называл всех подряд, по круговой поруке. ↵

С какой радостью я бежал домой, когда отпускали на часок-другой! К тому времени отец устроился швейцаром в кадетском корпусе. Семья наша переехала в халупу на Украинской слободке. Вольную жизнь мне не приходилось видеть, поэтому, вырвавшись из ворот магазина, я глядел во все глаза что делалось вокруг. Собственно, этот мир ограничивался для меня слободой, с ее своеобразной жизнью. А так как мои увольнения совпадали с воскресеньями, то я видел жизнь слободы только в эти дни. Слобода гудела пьяным гулом. Мне казалось, что напивались все, от мала до велика. Ведь больше никаких развлечений не было. Два маленьких иллюзиона не могли вместить всех желающих посмотреть кино. А в городской парк не так-то просто было попасть: то вид у тебя недостаточно представительный, то в парке изволят отдыхать высокопоставленные особы — черни здесь де-

лать нечего. И городской парк на берегу Амура являлся не местом отдыха для простого люда, а местом унижения. Ну и шел народ в кабаки. Недаром тогда ходила пословица, что в Хабаровске «сколько углов, столько и кабаков».

Особенно буянила молодежь. Некуда парням приложить свою силушку и энергию, она и устранивала драки «стенка на стенку». Сходились ватагами улицы на улицу, или один конец слободы с другим концом.

Вот так и жила хабаровская молодежь: в праздники в пьяном угаре, в будни — на поденщине, чтобы заработать гроши и спустить их в кабаке.

Нам, магазинным мальчишкам, жилось не легко. Приходилось ворочать тяжелые ящики и бочки — хозяину было невыгодно держать на подсобных работах взрослых мужчин и платить им сполна. А нам, мальчишкам, он ничего не платил, только кормил и одевал. Правда, родителям нашим управляющий магазином заявил, что через два—три года научит нас грамоте и сделает приказчиками. Но годы проходили, а нас никто и не собирался учить. Разве только «просвещали» на церковных службах, которые мы обязаны были посещать. Так и шло время среди ящиков и бочек на задворках купеческого магазина, под боком у златоглавого собора.

Намотаешься за день, доберешься до постели, и мгновенно засыпаешь. Но не всегда до утра удается отдыхать. Вдруг управляющему или просто приказчику (а они все были нашими начальниками) понадобится разыскать кого-нибудь. Тогда будили одного из нас и в ночь-полночь посылали на розыски. Так было, помню, и со мной не раз. Однажды усталый после дневной беготни я заснул крепким сном. Среди ночи сбросили с меня одеяло и бесцеремонно дернули за ноги. Не хотелось вставать, а знаю, нельзя не вставать. Передо мной стоит приказчик.

— Иди, найди управляющего, люди приехали за товарами.

В магазине так было: для оптового покупателя в любое время суток открывались двери. Крупные операции обычно производил сам управляющий. Вот и сейчас его вызывали, чтобы отпустить партию товара какому-то купцу. Собираюсь полусонный, и проклинаю все на свете. А приказчик торموшит:

— Живо одевайся, да чтобы без управляющего не являлся.

А мы, мальчишки, уже знали, что это значит: найти ночью управляющего, что иголку в стогу сена искать. Осень была, слякоть, сырость. На улице — грязь непролазная. Иду по Большой улице (ныне имени Карла Маркса). По этой Большой находились знаменитая «Чашка чая» (здание, ныне переоборудованное под универмаг), аристократический кафе-шантан (сейчас в этом доме главпочтамт) и еще целый ряд других увеселительных заведений. Это здесь, на главной улице города, в самом его центре, а чуть подалее от центра, — дома с красными фонарями или опиекурильни с занавешенными окнами.

Времени, наверное, было часа два ночи. На улицах в это время никого не видно. Только слышно как постукивают колотушками сторожа, да лают собаки. Бреду по лужам. По Большой тогда были уже тротуары, но деревянные, узкие, местами поломанные. Газовые фонари висят редко и еле мигают. Городовых не видно, запрятались в своих полосатых будках. Осенний ветер рвет одежду. Где-то рядом плещется холодной волной Амур, да изредка раздается в ночи крик где-нибудь по Иркутской улице (ныне Московская), где были сплошные притоны — может быть пьяный изливает свой минутный восторг, или зарезали кого-нибудь в переулке...

Таким и запомнился мне ночной Хабаровск того времени.

...Своего управляющего я обнаружил в «Чашке чая». Он играл с чиновниками в карты — это было их обычное занятие, которому они, наравне с водкой, отдавали все свободное от «праведных трудов»

время. Подвыпивший управляющий обругал меня за то, что я оторвал его от «занятий». Одев цилиндр и набросив на плечи накидку, вышел на улицу. Здесь стояло несколько экипажей с дремлющими на облучках возницами. Управляющий укатил, а я направился в обратный путь через лужи пешком.

Так и жил наш дремотный городишко. К нам, за ограду магазина, редко доходили новости. Где-то прошумела первая империалистическая война. Мы только замечали, что среди посетителей магазина стало больше военных-армейцев и казаков. А если случалось быть на Артиллерийской и Военной горах (ныне улицы Ленина и Серышева), то видел, как растут все новые казармы — кирпичные, с аккуратной кладкой.

Однажды и в нашу ограду магазина донеслись слухи о беспорядках на Арсенале.

Интересно отметить, что «отцы города» позаботились и об опеке Арсенала, расквартировав по соседству казачьи сотни на горке, которая и сейчас по старинке еще называется «Казачьей горой». Нам часто приходилось наблюдать, как молодчики с лихими чубами и в желтых лампасах гарцевали по улицам города, устрашающе позвякивая шашками и шпорами. Мой отец, возвращаясь с дежурства в кадетском корпусе, потихоньку рассказывал, что и в училище творится что-то неладное: участились тревоги, кадетов стали направлять патрулировать по городу против каких-то опасных людей, которые расклеивают на заборах крамольные листовки с бунтарскими призывами. Город как-то насторожился, это чувствовали и мы, неопытные, отгороженные от мира железной оградой, юнцы. Когда нам удавалось вырваться из этой ограды, то мы замечали, что в слободках, среди бедноты, реже стали проводиться бесшабашные пьянки и драки. Люди собирались кучками и о чем-то горячо спорили. Только в «Чашке чая» да кафе-шантанах купчики и чиновники кутили пуще прежнего, как будто чувствовали свой близкий конец и старались взять от жизни все что можно...

Как-то во время очередного ночного поиска управляющего меня схватил патруль кадетов. Затащили в вестибюль иллюзиона Подпаха (это было низенькое деревянное зданье, стоявшее поблизости от нынешнего универмага, впоследствии было сожжено в уличных боях), и стали обыскивать. Они, оказывается, хватали каждого ночного прохожего в простой одежде и обыскивали. Ничего у меня они не нашли и отпустили. Я плюнул на поиски управляющего и вернулся. А утром мне была выволочка. Я давно подумывал бежать из услужения в магазине. Но меня сдерживала бедность семьи, она едва перебивалась. Отец получал мало. Но последней встряски я не выдержал и, махнув рукой на расчет, однажды, не вернулся за железную ограду.

Пока подыскивал работу, собирал ягоды и грибы. Ходить приходилось недалеко, в район нынешнего Артзатона, где начинались лесные заросли, кустарники, болота. Сейчас на месте той тайги вырос замечательный дендрарий.

Там, в лесных зарослях стояло одинокое здание с высокими мачтами. Это была первая в Хабаровске искровая военная радиостанция. Солдаты, охранявшие рацию, охотно вступали с нами в беседу. Они-то и посоветовали мне идти учиться на радиста. Это сказал один унтер-офицер, словоохотливый и добродушный человек. Я поделился этими планами с отцом. Он отнесся к ним положительно. Отвел меня в какое-то присутственное место к чиновнику в мундире, густо расшитом позументами. Мне повезло. Но учеником телеграфиста я стал только в годы революции.

Телеграф помещался в том же здании, где он находится сейчас, на площади Ленина! Но только этой площади тогда не было. Улицы Гоголя и Пушкина только намечались, а ровное пространство между ними, бывшее совсем недавно городским кладбищем, пустовало и не освещалось. Возвращаясь домой в ночное время, я боязливо пробирался через этот мрачный пустырь. А не миновать его я

не мог. Мы жили в бараках кадетского корпуса. На территории военного училища, где воспитывались верноподданные царя, я оказывался совершенно в другом мире. На работе телеграфисты, через руки которых шли телеграммы, шептались о назревающих революционных событиях и тайно готовились принять в них участие. А здесь, на плацу кадетского корпуса, шагали выхолненные, самоуверенные завтрашние офицеры, готовые беспощадно давить всякое свободомыслие.

В семье у нас подрастали сестренки и братишки. Старшей сестренке удалось окончить женское училище. Отец мечтал хотя бы одной дочери дать образование. За дальнейшее учение надо было платить. Отец пишет прошение самому «царю-батюшке», умоляя дать высочайшее соизволение устроить дочь в гимназию на бесплатный пансион. Ведь он, мой отец, 25 лет жизни отдал царской службе, там и здоровье оставил. Ответ из канцелярии его величества пришел довольно скоро. Он гласил: дано указание принять, как исключение, дочь отставного унтера Тебнева в гимназию на общих основаниях. А это значит — плати 50 рублей за учение! Вот и высочайший благодетель... Где же нам было взять такие деньги, когда весь наш бюджет семьи не составлял и половины этой суммы.

Чтобы как-то свести концы с концами в семейном бюджете я шел после дежурства на телеграфе на стройки и носил кирпичи. За тысячу штук принесенного кирпича платили 75 копеек. А я зарабатывал 40—50 копеек в день. Домой возвращался измотанный, грязный, в изодранной одежонке. Помню, шло строительство тюрьмы. Губернатор и городская управа в первую очередь позаботились об этом. Каменщики клали стены и поговаривали «мы выстроим и тюрьму, выстроим... только для себя вы, господá, ее заложили; скоро пересадим вас сюда...» Пророческие слова!

...Общественная атмосфера в городе накалялась. Брожение в народе уже не могли сдержать ни полицейские, ни казацки разъезды. Из центра России

через все препоны просачивались волнующие ве-
сти — народ восстал. На телеграфе большевики
через надежных людей предупреждали, чтобы все
подготовились к большим событиям и оставались
на своих местах — связь в первую очередь должна
перейти в руки Советов.

А телеграммы шли все лихорадочнее и тревож-
нее. Пал царизм... В Москве — октябрьские бои...
В правительственных телеграммах мелькает имя
Ленина... Вот уже и некому получать эти телеграм-
мы — адресат, городская власть низложена. На
улицах Хабаровска — торжествующие красные
флаги, колонны демонстрантов, ликование. У нас
в петлицах красные банты. Я еще не умел разобрать-
ся как следует в событиях, но всем сердцем чув-
ствую: уходит старая, мрачная жизнь, кончается
Хабаровск Плюсниных, Чердымовых и Чуриных.
Идет новая, пока еще не совсем понятная для меня
жизнь, в которой наверняка не будет высокомерных
кадетов, жуликов-приказчиков, закроются различ-
ные шантаны, погаснут позорные красные фонари
притонов, прекратятся пьяные драки в слобод-
ках...

1005438
Правительственные телеграммы стали поступать
новому адресату — Совету рабочих, солдатских и
крестьянских депутатов, находящемуся в небольшом
здании, на месте нынешнего Дома офицеров Совет-
ской Армии. Триумфальная арка — этот символ
царизма — была уже снесена. Но оставался собор,
оставался магазин Чурина и К^о, жили еще своей
жизнью притаившиеся особняки купцов и чиновни-
ков. Проходя мимо магазина, где прошли мои дет-
ские годы, я невольно сжимал кулаки.

Но торжествовать было еще рано. Хабаровску
пришлось пережить страшное нашествие калмыков-
цев и иностранных интервентов. Они делали свое
черное дело бесцеремонно, как в своей вотчине. Мно-
го раз мне приходилось быть свидетелем такой сце-
ны: японские солдаты собирали вокруг себя ребя-
тишек и раздавали им конфеты и пряники, приго-
варивая: «рус, хоросо!» А потом эти же солдаты

поддевали на штыки наших младенцев, как это было 4—5 апреля 1920 года.

Не отличались от своих собратьев по разбою и американцы. Когда город голодал и мерли дети, янки кормили своих мулов белым хлебом, великодушно разрешая ребятишкам подбирать с земли крошки, недоеденные животными.

Рассказывали такой случай. На окраине, где-то в районе нынешнего Волочаевского городка, где квартировал американский отряд, пьяные янки устроили своеобразную «игру». Подозвали голодного мальчишку, дали ему плитку шоколада и велели бежать по кустарникам. Отпустив его на два десятка сажен, открыли по нему стрельбу из кольтов — кто быстрее собьет живую мишень. Только через несколько дней нашли этого мальчонку: он так и лежал мертвый, держа в руке плитку шоколада.

...В ночь с 4 на 5 апреля 1920 года я дежурил на телеграфе. Неожиданно началась канонада. В окнах телеграфа посыпались стекла. Мы попытались выскочить на улицу, но японские часовые не пустили нас. На самой площади стояла батарея и была в сторону кадетского корпуса, где находился штаб красных войск. Вспыхнули пожары, зловещее зарево вновь озарило многострадальный город. Эта кошмарная ночь казалась целой вечностью. Ведь у всех у нас, запертых в аппаратной телеграфа, были семьи. Что с ними? Живы ли товарищи? Комиссар успокаивал нас: «Это провокация, надо держаться. Наши обязательно дадут отпор». Комиссару нужно прорваться в штаб, чтобы выяснить обстановку и получить указание, как действовать в дальнейшем. Решаем дожидаться рассвета.

В аппаратные ворвались японцы, с ними несколько белогвардейцев. Они схватили несколько человек и расстреляли их у стен здания. Уже утро... Батарея с площади стреляет непрерывно. Пушки повернуты вдоль главной улицы и бьют прямой наводкой, уничтожая все, что есть живого, разрушая здания, срезая деревья и столбы. Мы, оставшиеся в живых, решаем во что бы то ни стало уходить.

Выходим из дверей и натываемся на трупы, среди которых корчится еще живой мальчик с сумкой. Должно быть шел в школу и попал под пулю. Мы хотели подобрать его и унести с собой. Но те самые вояки, «благодетели», которые только накануне бросали ребятам конфеты, вырвали истекавшего кровью малыша, бросили его в кучу трупов, а нас прогнали прикладами. Едва мы успели перебежать площадь и прыгнуть в овраг в сторону Чердымовки, как над нашими головами засвистели пули. Удивительно, как это они не успели нас скосить.

Так, перебежками, я добрался до дому. Во дворе училища идет расправа. Вернувшиеся при поддержке интервентов, кадеты сводили счеты с пойманными красногвардейцами. Во дворе было небольшое помещение для пошива одежды, так называемая «швальня». Кадеты и японцы загнали в нее своих пленников, помещение облили керосином и подожгли. Нашу семью тоже выгнали на улицу, а сторожку спалили. Мы всей семьей столпились в углу двора и ждали своей участи. В суматохе один из пленных партизан как-то сумел отделиться от группы арестованных и, пробравшись в угол ограды, стал между нами. Если бы его обнаружили, то не сдобровать бы и всей нашей семье. Но отец загородил его, поставив рядом с партизаном девочек, и когда подошел офицер и стал проверять нас, отец назвал незнакомого нам партизана своим старшим сыном.

После провокационного выступления интервентов над городом долго стоял горький дым пожарищ, слышался терпкий запах пороха. Много дней мы убирали трупы погибших в схватках бойцов и мирных граждан. За эти зверства белогвардейцы и интервенты получили сполна.

С приходом в Хабаровск Народно-революционной армии жизнь истерзанного города стала приходить в порядок. Когда в 1923 году в Хабаровск приехал Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин, город уже залечил многие раны.

Приезд Михаила Ивановича запомнился хабаровчанам. Мы как-то стали ближе к столице, к прави-

тельству. Ведь Всесоюзный староста был человеком из народа — простой и доступный. В один из летних дней на площади Свободы (ныне имени В. И. Ленина), где наскоро сколотили из досок небольшую трибуну, собрались толпы народа. Я со своими товарищами телеграфистами протиснулся вперед, гляжу во все глаза и не вижу нигде Михаила Ивановича. Слышу, товарищи шепчут: «Вон он на ступеньках». И действительно, Всесоюзный староста сидел на ступеньках, ведущих к трибуне, и курил: в картузе, с бородкой и усами — простой мужик, — и беседовал с обступившими его людьми. Потом поднялся на трибуну и передал хабаровчанам приветствие Центрального Комитета партии и Советского правительства. Говорил медленно, как-то потечески тепло. А вечером Михаил Иванович выступал в здании, где сейчас находится Дом пионеров.

При помощи партии и правительства Хабаровск, хотя и медленно, но расстраивался. На местах пожарищ вырастали новые дома. Строились промышленные объекты. Так, например, в те годы был заложен Хабаровск-II. Сейчас там целый городок разросся. А ведь я помню, как мальчишкой ходил туда за ягодой. Хороший там рос виноград. Тайга отступала перед натиском людей, приступивших к мирному труду. В быт хабаровчан входила культура.

Впервые в нашем городе радио зазвучало в 1928 году. Помню, ламповых радиоприемников не было. Мы сами монтировали детекторные и вырывали друг у друга наушники, чтобы услышать хотя бы словечко, звучащее из черного кругляшка мембраны. Я тогда не мог, конечно, предполагать, что с радиовещанием у меня будет связана дальнейшая жизнь.

Произошло это так. Я увлекался игрой в самодеятельном драматическом коллективе связистов. Однажды по городу разнесся слух, что местное радиовещание расширяется и туда нужны дикторы. Товарищи говорят мне: «Иди, Михаил, у тебя голос подходящий». «Какой, думаю, подходящий, ведь дикторы на радио — это особые люди!» Но все же принял участие в отборочном конкурсе и... прошел! И

вот уже три десятка лет я работаю перед микрофоном.

Помню, с каким трепетом я произнес впервые: «Внимание, говорит Хабаровск! Работает радиостанция РВ-15, имени Фрунзе, на волне 70,2 метра...» Работа диктора все более увлекала. Ведь через тебя проходят все известия, ты в курсе всех событий в городе, крае и стране. А сколько таких бурных, волнующих событий свершалось каждый день, каждый час!

Первое ответственное сообщение, которое я читал, была информация о перелете Водопьянова, открывшего дальневосточную авиатрассу. Хабаровск тогда не имел прямого воздушного сообщения с Москвой. И мы, хабаровчане, назвали самолет Водопьянова «первой ласточкой». Чтобы принять самолет Водопьянова, за городом была сделана сухопутная взлетная площадка. Отсюда и получил имя будущий аэродром, до сих пор называемый еще «сухопутным».

Хабаровчане очень тепло и сердечно встретили прославленного летчика. А так как далеко не все горожане, а тем более трудящиеся районов, имели возможность присутствовать на этом торжестве, то мы пригласили Михаила Водопьянова выступить у нас по радио.

А вот со встречей Чкалова, Беякова и Байдукова у нас получился конфуз. Мы выехали на аэродром со своей радиоаппаратурой и хотели вести передачи прямо оттуда. Народу на аэродроме собралось много. С трудом мы протянули провода, установили микрофоны.

Вот показалась над городом серебристая птица. Она летела с острова Удд через Комсомольск. Самолет приземлился, летчики сошли по лесенке, приветствуемые хабаровчанами. Мы поспешили к летчикам, чтобы предложить им выступить у микрофона. Но они, видимо, настолько устали, что Валерий Чкалов как только сошел на землю, так сразу опустился на подвернувшийся ящик, и к удивлению зрителей, вместо торжественных слов, сказал очень обыденно:

— У кого махорочка есть? Курить здорово хочется!

К нему протянулось несколько пачек папирос. Народ вплотную подступил к самолету. Провода, идущие к аппаратам, оказались перепутанными и с аппаратами что-то случилось. Так мы и не смогли провести эту интересную передачу. Сейчас, когда радиокомитет оснащен совершеннейшей аппаратурой, такие казусы исключаются. А тогда аппаратура у нас была далеко не совершенная. Правда, впоследствии нам удалось провести радиопередачу с выступлениями замечательных советских летчиков из Зеленого театра в городском парке, где сейчас в честь этого события установлена мемориальная доска.

1938
Много волнений вызвал перелет летчиц-героинь Гризодубовой, Осипенко и Расковой на Дальний Восток. Когда они сделали вынужденную посадку в Нижнем Амуре, радиослушатели прямо-таки завалили наш комитет письмами, в которых просили регулярно извещать о судьбе летчиц. И мы давали в своих передачах самые подробные сообщения о пути их следования в Хабаровск.

Жизнь нашего города тесно переплетается с жизнью страны. Вот мы услышали из московских передач о пуске Магнитогорского комбината. И как деловой отклик на эту победу прозвучала наша радиопередача о пуске первых станков на хабаровском заводе «Энергомаш». Радио принесло нам весть о том, что в северной тундре закладывается Хибиногорск, а у нас на окраинах Хабаровска, на месте тайги и болот строились новые фабрики и заводы. А сколько фундаментов под новые здания было заложено в самом городе!

В дни больших мирных строек началась война!

В первое время, когда наши войска отступали под натиском фашистских полчищ, особенно тяжело было читать сводки, наполненные суровой и горькой правдой. Диктор должен был вести передачу так, чтобы сводки о наших временных поражениях вызвали чувство гнева и вселяли уверенность в том,

что победа будет на нашей стороне. В эфире звучали призывы к дальневосточникам — помочь фронту, помочь советскому воину!

Однажды мне довелось вести радиопередачу с завода «Энергомаш». Даже в тот грозный период рабочие жили широкими интересами. Они попросили провести у них конференцию радиослушателей. Приехали мы с аппаратурой прямо в цех. Гляжу, а у станков одна молодежь! Юноши и девушки. Они на своих еще неокрепших плечах вынесли огромную тяжесть войны — делали минометы, ремонтировали танки, изготавливали патроны. А потом, после работы шли на рытье противотанкового рва вокруг Хабаровска.

Величественная это была картина. Тысячи горожан с лопатами, ломами и кирками отправлялись на окраины города. Кто-то из журналистов назвал эти колонны «железным потоком». Это, действительно, было железное, негибкое движение хабаровчан, отдающих все свои силы, чтобы помочь фронту и подготовить свой город на случай вражеского нападения. Ведь там, за пограничными сопками, словно хищница, притаилась японская Квантунская армия.

Грозным призывным гимном звучала тогда по радио песня:

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...»

Хабаровск жил напряженной жизнью пограничного города. На ночь город погружался в темноту. Но в залах театров шли спектакли, демонстрировались фильмы. Люди, суровые за станками и рабочими столами, в свободное время, если оно урывалось, старались культурно отдохнуть.

Радиокомитет поддерживал самые тесные связи с советскими воинами. Кроме специальных передач по заявкам воинов, переключек по эфиру воинов с семьями, мы часто выезжали с микрофоном непосредственно в воинские части и на заставы. Очередная поездка на одну из застав по Уссури у нас совпала с провокационной вылазкой японского от-

рядом в этом районе. Мы приехали как раз в то время, когда пограничники отбили провокаторов и, еще разгоряченные схваткой, собрались в казарме заставы. Они, видимо, не считали эпизод исключительным событием — в то время это были обычные будни пограничников на дальневосточной границе. Удивительной прозвучала в этой пороховой обстановке просьба бойцов передать по радио оперу самого миролюбивого характера — «Пиковая дама».

Когда была разгромлена гитлеровская Германия, и советские полки, выполняя приказ Верховного Главнокомандования, пошли очищать от захватчиков китайскую землю, пограничники первыми высадились на левый берег Уссури и уничтожили вражеский кордон. Хабаровск из пограничного города стал городом-воином. Отсюда горожане провожали свои полки в великий освободительный поход.

Кончилась война. Советский народ приступил к мирному труду.

Растет родной Хабаровск. В послевоенные годы под Хабаровском выросли такие крупные предприятия, как заводы «Амуркабель», завод железобетонных изделий, руберойдный завод, масложиркомбинат. Сдан в эксплуатацию трамвай. Работает любительская телевизионная установка. Скоро вступит в строй государственный телецентр.

Трудно перечислить все, что появилось нового в нашем родном городе. Как-то был я с ребятами на новом стадионе имени Ленина, построенном на берегу Амура. Невольно вспомнились давние детские годы, которые начались как раз вот здесь, на месте нынешнего стадиона. Вот на этом месте, на пустынном тогда берегу Амура, почти полвека назад стояли купеческие склады и грузчики с согнутыми спинами надрывались под тяжестью выюков. Отсюда я, мальчонка-оборванец, пошел в люди, в трудный и большой мир. Приятно видеть сейчас, как светло, радостно изменился он, изменился родной наш город. Поэтому я подхожу к микрофону с гордым сознанием: нам есть что сказать миру о своих победах!